

Лев Кулиджанов: “Такая была ЖИЗНЬ”

— Лев Александрович, чем вы теперь занимаетесь?

— Ничем. Последнюю свою картину “Незабудки” снял с великим трудом. Это уже тот фильм, которого никто не видел. Показывали его как-то по телевидению, но получилась декламация на черном экране. Не видно не зги. Как только умудрились сделать такую копию?

— Следите за тем, что в Москве происходит?

— Смотрю иногда телевизор. Слышал, что дворникам форму новую ввели. Ну, и слава богу. Из моего окна виден Кремль, а за ним — купол храма Христа Спасителя. Сам я из дому не выхожу — здоровье не позволяет, потому храм только из окна и видел. Да и прежде, надо сказать, Москвы практически не видел, много лет жил на даче. Туда за мной приезжала машина, увозила на съемки и обратно. Метро я никогда не знал. Со съемки в монтажную, потом — возвращение домой, как говорится, без рук, без ног, абы добраться. Такая была жизнь.

— Вы — коренной москвич?

— Я родился в Тифлисе. Впервые приехал в Москву в сорок четвертом. Первый курс во ВГИКе с грехом пополам проучился, а вернее проболел, и возвратился в Тифлис. В это время мать из ссылки вернулась. В сорок шестом хотел восстанавливаться в институте, но понял, что не выдержу. Я ведь с отрочества болел туберкулезом. Потом уже, в сорок восьмом году поступил заново на курс к Герасимову. И правильно сделал. Хотя правильность этого выбора стала мне ясна позднее. Когда мы учились, никаких перспектив ведь не было. Фильмов появлялось мало, еще меньше, чем сейчас. Снимали только “культовые” картины, то, что одобрил “хозяин”. К тому времени, когда мы закончили учебу, отец всех народов умер и началось какое-то оживление. Мы, четверо с курса, снимали короткометражки на студии имени Горького, где я остался и проработал всю жизнь.

С Яковом Сегелем, моим однокурсником, мы потом сняли два полнометражных фильма “Это начиналось так” и “Дом, в котором я живу”. После этого разошлись. Я стал снимать “Отчий дом”, потом — детскую картину совместно с чехами, потом “Когда деревья были большими”. Затем наступил длинный перерыв, когда я оказался в Госкино, а потом первым секретарем правления Союза кинематографистов. Двадцать лет прослужил так в итоге. За это время снял очень мало: “Преступление и наказание”, документальную картину “Звездная минута” о космосе, “Карл Маркс. Молодые годы”.

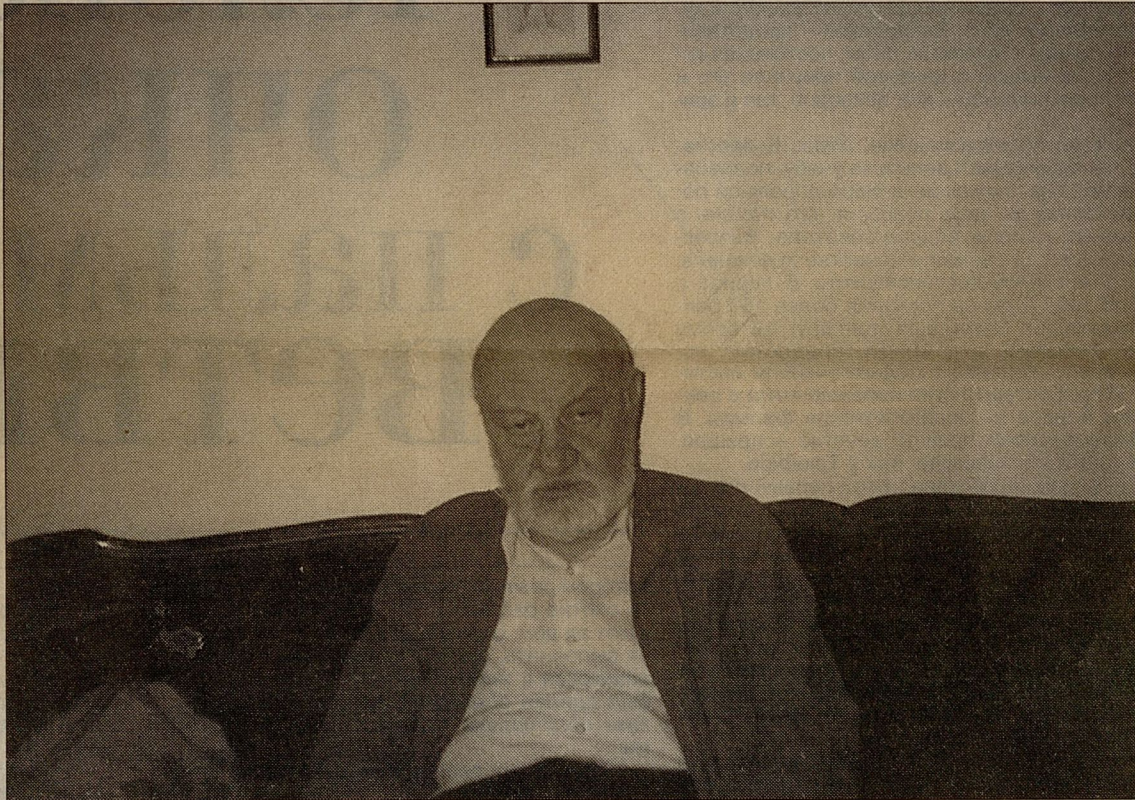
— Не жалеете о том, что столько лет ушло на государственные и общественные нужды?

— И жалею, и нет. Это же было не пустое время. Много сделано за эти годы. Союз кинематографистов был сильным, авторитетным, богатым. Конечно, не будь чиновничьей работы, мог бы больше снять.

— А с другой стороны, такая работа давала вам преимущества поболее, чем другим, можно было себе позволить, денег на фильм взять, сколько нужно.

— Сметой в то время я даже не интересовался, не имел к ней отношения. Это было делом директора картины, а не режиссера. Госкино давало деньги. Я никогда и с продюсером никаких дел не имел просто потому, что таких тогда не существовало. Все гораздо проще было. Это уже на “Незабудках” мы не могли достать поливочную машину. Мне нужна была лужа в кадре. Так пришлось ведром черпать воду.

Лев Александрович Кулиджанов — народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, более двадцати лет возглавлял Союз кинематографистов СССР, мощнейшую когда-то организацию. В студенческую пору занимался журналистикой, сотрудничал с такими изданиями, как “Сталинский сокол”, “Советское искусство”, “Театр”. Из одной газеты был изгнан — написал рецензию на тюзовский спектакль о Павлике Морозове, неверно указав имена исполнителей, попросту перепутав два состава, за что и пострадал. Такие были времена. Теперь Лев Кулиджанов из дома совсем не выходит — сердце подводит, да и ноги уже не те. Читает книги, о каждодневной круговерти узнает чаще всего по сообщениям газет и телевидения.

Пока отправляешься за вторым, лужа высыхает. Но и прежде, надо сказать, деньги на кино хоть и давали, но всегда нам чего-то не хватало. Мы же, режиссеры, не получали их много и тогда. Максимум — восемь тысяч за картину, которая снималась, как правило, не один год. У режиссера высшей категории оклад был триста рублей. Только несколько моих коллег имели персональную надбавку. Я вот получал четыреста рублей. Старики — Герасимов, Райзман, Чиаурели, Юткевич — по пятьсот, за счет сталинских еще надбавок. Но как только человек переставал снимать, в течение полугодя он получал шестьдесят процентов, а потом все это заканчивалось.

— “Карла Маркса” в перестройку вам не припоминали?

— Нет. Хотя это было очень простое время. После разгромного V Съезда Союза кинематографистов те, что кричали: “Долой генералов!” — сами надели на себя генеральские погоны. Позднее, в день моего семидесятилетия, а я тогда лежал в больнице, пришла поздравительная телеграмма от всего секретариата с извинениями. Многие из этих людей кричали когда-то: “Долой!” С тех пор ведь не создали ничего нового, зато ранее построенное разобрали. Говорят, что в приемной Союза, где всегда в прежние годы толпился народ, теперь пусто.

— Что же касается “припоминаний”, то не так давно в одной газете написали, что меня де Брежнев поздравлял с завершением фильма “Карл Маркс. Молодые годы”.

Как я долго ждал его звонка, что даже захотел в сортир, а в результате, когда он мне все-таки позвонил, то поздравил с фильмом “Мужик”. Брежнев меня действительно поздравлял.

— Да ведь вам, занимавшему столь высокий пост, не раз, наверняка, доводилось с ним встречаться?

— Видел я его и до этого, но лично с ним не общался. Однако случай свел. Филипп Тимофеевич Ермаш работал тогда в ЦК. В те годы полагалось рассылать приглашения первым секретарям на крупные мероприятия. Надвигался съезд кинематографистов, первый или второй уже не помню. Ермаш спрашивает меня: “Пригласил генсека? Обязательно сам должен отнести приглашение. Я тебе устрою”. И действительно устроил. Пошел я к Брежневу и застрял там на несколько часов. У него шло совещание. Сажу в приемной, жду. Нельзя же встать и уйти. Пришел и посол Чехословакии по фамилии Павловский. Нам сервировали чай. Ждем вместе. Потом открылась дверь, вышел оттуда человек пятнадцать. Я пропустил вперед пожилого уже

Павловского. Он через десять минут освободился. Секретари предупреждали меня, чтобы я не задерживался у Брежнева больше пятнадцати минут. А мне и надо-то было не более пяти. Но Брежнев посадил меня и как начал расспрашивать, кто из артистов за кем замужем и на ком женат.

Позднее, когда он поздравлял меня с выходом фильма “Карл Маркс”, он только-только вернулся из Мацесты. Туда ему и отравили все семь серий картины. Разговор получился смешной. Мне позвонили по вертушке и предупредили, что со мной будет говорить Леонид Ильич. Слышу много голосов, идет какой-то разговор. А Брежнев мне говорит: “Я возвращался поездом и всю дорогу думал, как бы не забыть позвонить Кулиджанову. Вам повезло. Я посмотрел все серии. Погода была очень плохая”. С такой наивностью он это сказал. Оказалось, что позвонил он чуть ли не во время заседания Политбюро, народ еще не успел разойтись. Тогда такой звонок был событием.

— Да и теперь, наверное, это так, чтобы мы там ни говорили. Влияли подобные звонки на биографию?

— Не знаю, что и ответить. Может, и влияли. Но с другой стороны, мало ли было людей, кото-

рые общались с высокопоставленными лицами, а потом были уничтожены. Сталин гулял по Кутузовскому проспекту с Довженко. А потом Довженко написал в своей книге о том, как испугал его вождем своими сапогами.

Когда мы сняли картину о целине “Это начиналось так”, раздался утром в коридоре звонок. А жил я тогда на Зубовском бульваре, в маленькой шестиметровой комнатке. В трубке слышу: “С вами будет говорить министр Михайлов”. Я был ошеломлен, думал кто-нибудь меня разыгрывает. Но убедившись, что это и в самом деле министр, позвонил Якову Александровичу Сегелю, пересказал ему наш разговор, наказал ждать аналогичного звонка. Бедный Яша напрасно провел у телефона долгое время. Михайлов ему так и не позвонил, очевидно, решив, что первого имени в титрах вполне достаточно для поздравления. Никаких других официальных звонков в моей биографии не было. За исключением еще одного, который я запомнил на всю жизнь.

— Можете рассказать об этом?

— Расскажу. Была у меня картина “Синяя тетрадь” по повести очень хорошего писателя Эммануила Казакевича. Появилась она после хрущевского доклада. В чем был ее смысл? Ленин, как выяснилось, в Разливе был не один, как написано во всех учебниках, а с Зиновьевым. И судить собирались их обоих. Мы же не могли даже найти портрет Зиновьева, не знали, как он выглядит. В конце концов я позвонил Поспелову, директору института марксизма-ленинизма. Представился, все рассказал. Слышусь дышит в трубку, но молчит. Долгим было это молчание. А потом ответил: “Пока я жив, этого не будет”. Мне после таких слов еще больше захотелось снимать.

Консультантом у Казакевича, а потом и у меня на картине, была старуха Фотиева. Та самая, хозяйка квартиры, где скрывался Ленин перед тем, как уйти в Смольный. Очень симпатичная и смешная старуха. Она когда-то была ответственным секретарем сельскохозяйственной энциклопедии, издававшейся с царских времен и продолжавшей выходить при Временном правительстве. Старуха рассказывала всякие интересные подробности. Она хорошо знала Зиновьева. Очень неприятным он был человеком. О Владимире Ильиче разговоров было мало. Вспоминали Крупскую, Марию Ильиничну. Фотиева приезжала в Ленинград, где мы снимали. Вижу останавливается машина, оттуда выходит старуха. Она уже плохо ходила, опиралась на палочку. Человек, который ее доставил, нырнул обратно в машину и быстро уехал. А Фотиева идет и хохочет: “Знаете, кто меня привез? Директор Ленинградского филиала института марксизма-ленинизма. Не привезти он меня не мог, но и прийти на съемочную площадку тоже не мог”. Привез и тут же махнул обратно, чтобы не вступать в разговоры на столь неприятную для него тему.

Да, это было совсем другое время. Казакевич, который вскоре умер, а умирал он тяжело, от рака, собирался написать вторую часть о тех днях в канун революции, когда Ленин остался в одиночестве. Придумал даже название “Тихие дни Октября”. А эту самую ленинскую “Синюю тетрадь” я так и не прочитал. Не это меня интересовало, а коллизии вокруг.

Беседовала Светлана ХОХРЯКОВА